

Кристиан Болтански: я вовсе не стремлюсь быть современным художником

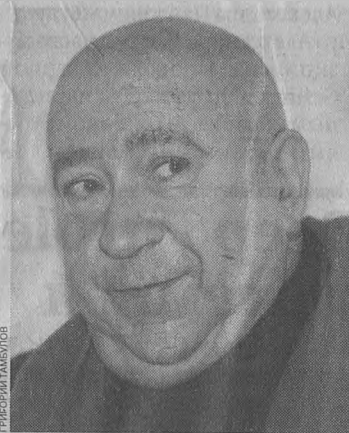
Коммерсант. - 2004. - 21 октября. - с. 22

биеннале инсталляции

Московская биеннале современного искусства, открывающаяся в январе, заявлена как выставка преимущественно молодых и еще не получивших широкую известность художников. Тем не менее на ней ожидается присутствие нескольких признанных мэтров. Французский художник **КРИСТИАН БОЛТАНСКИ** уже приехал в Москву осматривать помещения для своей будущей выставки. **ИРИНА КУЛИК** застала художника в момент раздумий: какой из залов московского Музея архитектуры выбрать.

— Что собираетесь показать на биеннале?

— Пока не знаю. Я всегда отталкиваюсь от предложенного мне пространства: это как вопрос, на который я должен найти ответ. Если я буду делать выставку во флигеле «Руина», я просто развешу на балках множество старых пальто, чтобы они казались этакими призраками, поставлю несколько лампочек и открою все окна, чтобы стало еще холоднее. Правда, боюсь, публика вымерзнет, да и сам я боюсь стужи. А если придется работать в главном здании, то напущу много дыма и включу проекторы. Все равно здесь на стены ничего не повесишь. Но вот кто будет все время

ГРИГОРИЙ ТАМБОВС

выставки следить за дымовыми машинами? Так что пока я ничего не могу сказать наверняка.

— Что для такого признанного художника, как вы, означает участие в Московской биеннале?

— У меня довольно странные отношения с Россией — я сам отчасти русский, мой дед — еврей из Одессы, и все детство я слышал русскую речь. Каждый художник, да и вообще каждый из нас имеет этакую воображаемую родину. Для меня это земли, лежащие между Черным и Белым морями, Россия, Польша. Польшу я знаю гораздо лучше — я не раз там vystавлялся, а один из самых близких мне в искусстве людей — это польский художник и театральный режиссер Тадеуш Кантор. А вот теперь у меня появилась возможность побывать в России, по-

работать с русскими кураторами, открыть для себя русское искусство, о котором я ничего не знаю. — **Вас довольно часто сравнивают с одним из русских художников, а именно с Ильей Кабаковым. Вы оба обращаетесь к теме памяти, истории, архива, вы оба создаете инсталляции, в которых используете всякий бытовой «мусор»...**

— Илья — это друг. Однажды мы даже работали вместе с ним и Жаном Кальманом, делали инсталляцию в разрушенном госпитале в Берлине, которая была связана с театральной постановкой вагнеровской тетралогии. Конечно, между мной и Кабаковым есть сходство, но прошлое, с которым мы работаем, — разное. Он говорит о конкретном месте и конкретных воспоминаниях, я же скорее работаю с вымышленным прошлым.

— У этого прошлого вообще есть какие-то живые свидетели или все это только мертвые архивы?

Классик французского концептуализма

Знаменитому французскому художнику Кристиану Болтански 60 лет. В 70-х годах занимается акциями, перформансами и создает свои первые значительные инсталляции — «Композиции», «Тени» и «Па-

— Мы идем на выставку не для того, чтобы что-то открыть, но для того, чтобы узнать что-то давно знакомое: память, о которой говорят мои работы, — это память каждого из зрителей. Знаете, в Японии меня даже спрашивали, нет ли во мне японской крови — настолько японской оказалась им моя работа с лежащим на полу ворохом старой одежды. На Западе это обычно ассоциируется с холокостом, японцам же эта инсталляция напомнила миф об озере, которое пересекают умершие, чтобы избавиться от брэнной оболочки и стать бессмертной душой. Они увидели в груди одежды это самое озеро мертвых.

— Где вы на самом деле берете все эти тонны старой одежды и обуви, которые так часто фигурируют в ваших инсталляциях?

— Это современная одежда из секонд-хендов, и я внимательно слежу за тем, чтобы было понятно, что она — из наших дней, подкладываю туда какие-нибудь фут-

болки с Бэтменом. Для меня существует некое равенство между старой одеждой, фотографией и мертвым телом — все они отсылают к кому-то, кого здесь нет, делают зримым его отсутствие.

— Но люди, которые носили эту одежду, вполне могут быть живы.

— Да, но вся эта одежда, которой торгуют на тротуарах, — это вещи без истории, без любви. Пока их не купят и не полюбят, они остаются чем-то мертвым.

— А людей со старых фотографий, которые вы используете в ваших работах, тоже можно полюбить заново?

— Кто знает? Как-то я делал выставку, на которой была тысяча фотографий, — все эти люди почти наверняка были мертвы, и все они были совершенно разными: испанские преступники, евреи, скорее всего сгинувшие в лагерях смерти, французские дети. Сегодня уже никто не может сказать, кто именно изображен на этих снимках. С уверенностью можно утверждать толь-

ко одно — они были человеческими существами. Забвение уравнило всех. То же самое с вещами. Я много работал с потерянными вещами из бюро находок. У меня была работа с несколькими сотнями потерянных ключей. Представляете, какой катастрофой была потеря каждого из них и какими бессмысленными они были для тех, кто их случайно нашел?

— Вторая мировая война, холокост — ваша постоянная тема и едва ли не единственная историческая веха, присутствующая в вашем искусстве.

— Я считаю себя художником XX, а не XXI века, мой образ мысли связан с тем, что произошло в этом столетии. Но я думаю, что творчество того же Кабакова связано с определенным историческим периодом гораздо больше, чем то, что делаю я. В сущности, я обращаюсь к классической теме Vanitas, тщеты всего сущего. Я вовсе не стремлюсь быть современным художником, во все эпохи мы задаемся одними и теми же вопросами: о боге, о смерти, о сексе, о том, почему, если каждый из нас уникален и важен, после смерти от нас ничего не остается. Главная проблема сегодня — по-прежнему оставаться таковыми и не пытаться изменить законы природы, не стремиться стать сильнее Бога, хотя я сам в Бога не верю.

мятники», которые находят свое продолжение в композициях 80-х — «Алтарях», «Запасниках» и «Архивах». Участник практически всех международных выставок — касельской «Документы», Вене-

цианской биеннале, «Волшебников земли» (Париж, парк Лавиллетт), биеннале современного искусства в Сиднее, Стеделик-музее, Музее современного искусства Парижа, венском Кунстхалле.